

УДК 1.165

ПОЗИЦИЯ ДРУГОГО КАК НЕОБХОДИМЫЙ МОМЕНТ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ПРИВАТНОГО ОПЫТА БЫТИЯ

Елена Ходус

*Днепровский национальный университет имени Олеся Гончара,
факультет общественных наук и международных отношений,
кафедра социологии
просп. Гагарина, 72, 49010, г. Днепр, Украина*

В статье сделан акцент на амбивалентности онтологического статуса приватности. Утверждается, что, с одной стороны, приватность обладает отчетливой внутренней интенциональностью, то есть это сфера, тождественная «персональному Я», с другой – приватность возможна только в соотносительности с миром внешних значений, что, в свою очередь, означает наличие когнитивной фигуры Другого как «предпосылочного условия» (термин Дж. Серль) оформления опыта приватности. С таких позиций было обосновано понимание приватности как динамичной intersubjectивной мета-позиции, которая задается двуединой взаимозависимостью объективированной социальной реальности и субъективного ее переживания и интерпретации.

Ключевые слова: приватность, Другой, онтологическая связка Я-Другой, прагматические режимы, драматургический подход.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что на фоне «угасания» социального кризиса коллективно разделяемых смыслов – суть тенденций, характерных как для западного мира, так и для украинских реалий – приватность действительно становится той жизненной формой, с которой человек связывает свои глубинные смысло-жизненные запросы. Действительно, ориентация на приватный принцип бытия, личное благо, частные интересы, обустройство удобной жизни «для себя» все чаще определяют повседневный опыт, реальную прагматическую активность и ситуативную креативность, позволяющие современному человеку совладать с вызовами «большого» мира – системными императивами, формально-бюрократическими ограничениями, сопряженными с давлением на самость (Self).

В то же время, характеризуя приватность в модусе соотносительности с субъектом, который обладает правом выражать свою частную субъективность сообразно своим желаниям, самостоятельно «говорить от/для себя», мы, тем не менее, подчеркиваем комплементарность данной формы жизни «внешнему» миру. Соответственно, *цель* настоящей статьи состоит в попытке прояснения живого, всестороннего, а зачастую и драматически напряженного взаимоотношения «персонального Я» с миром внешних значений, что, в свою очередь, означает наличие когнитивной фигуры Другого как «предпосылочного условия» (термин Дж. Серль) оформления опыта приватности.

Если согласится с мыслью Ж. Делеза относительно того, что «Другой – это априорный принцип организации любого поля восприятия на основе категорий», это структура, «осуществляющая категоризацию этого поля», Другой – тот, кто «гарантирует границы и переходы в мире», «управляет организацией мира в объекты и транзитивными отношениями между этими объектами» [12, с. 401; 403-405; 409], то представляется очевидным, что без внешней позиции, без объективизирующего взгляда Другого, мы вряд ли опознали бы саму возможность жизненного опыта, именуемого как «свой», «собственный», «личный», «приватный». Иначе говоря, приватность начинается и заканчивается

с наличия «априорной структуры Другого» (Ж. Делез) через «подхватывание интенций» Другого (М. Мерло-Понти). Тем самым приватный опыт, переживаемый в категориях Другого, предполагает осознание своей внешней ограниченности, поскольку «только Другой переживается мной как соприродный внешнему миру <... > Я для себя не соприроден внешнему миру весь, во мне всегда сеть нечто существенное, что я могу противопоставить ему, именно – моя субъективность, которая противостоит внешнему миру как объекту, не вмещаюсь в него <... >. Другой интимно связан с миром, с моей «внутренней внемировой активностью» [3, с. 66-67].

Таким образом, принципиально важно подчеркнуть, что феноменальный статус приватности как сокровенного «присвоенного бытия», где мы ведем разговор с самим собой, одновременно предполагает отношения совместности, отсылку к «бытию-вне-себя» («вне-не» в терминологии Ж. Батая [1, с. 28]), то есть к бытию с Другим. По логике Ж. Батая, внутренний мир нельзя рассматривать как обособленный. Приватность, выступая опытом изначально несообщаемым, тем не менее, обнаруживает сущностную связь с эксплицитным признанием Другого. На что, собственно, указывает и конкретно-семантическое наполнение лингвистической конструкции приватности: ей соответствует дериват “private”, “privacy” (англ.) – частный, личный, уединенный, скрытый, конфиденциальный, касающийся данного человека, находящийся в чьей-то собственности, неофициальный, негосударственный [15, с. 103]. В этих значениях приватность наделяется вполне конкретным социальным смыслом, где сам по себе акт присваивания чего бы то ни было, обозначение этого как «личного», «собственного» предполагает в качестве ключевого и неизбежного момент экстернальной саморефлексии, наличие внешней референции в виде фигуры Другого. Здесь важно, что именно в соотносительности с Другим, который понимается как в значении социального устройства («мира множества других» в интерпретации Э. Левинаса), так и в значении конкретного другого (Другого как Лица, по Э. Левинасу [17]), приватность обретает свою структурную оформленность. В свете сказанного, абсолютно ясно, что, индивид как «обособленное существо <... > всего лишь абстракция, экзистенция в том виде, в каком представляет ее себе дебильное сознание заурядного либерализма» [4, с. 45].

Анализ собранных нами материалов интервью¹, если следовать предложенному А. Щютцем принципу гомологии структур рассказывания структурам пережитого опыта [28], также с очевидностью обнаруживает некий устойчивый «остаток Другого» в смысловых слоях переживаемого и артикулируемого информантами их персонального опыта приватности. Так, в одном из нарративов мы находим следующее утверждение: *«Когда я говорю – это мое личное дело, я имею в виду, что других это не касается. Это может быть необязательно какая-то уж очень личная жизнь, это может быть и просто отношения с кем-то по работе – поконфликтовал человек по какой-то ситуации с коллегой, он так и говорит: «Не лезьте сюда, я сам разберусь! Это могут быть темы интимной жизни, которые я не хочу ни с кем обсуждать. Например, о взаимоотношениях с мужем. Так же это может быть здоровье, секс, зарплата, работа, воспитание детей, да мало ли еще что еще, чем я не хочу ни с кем делиться»* (Юлия, 24 года, фотограф-фрилансер).

¹ В статье используются результаты исследования, проведенного автором методом полуструктурированного глубинного интервью (январь-февраль 2016 г. город Днепр), целью которого было выявление особенностей восприятия приватных кодов современным человеком (общий массив составил 14 интервью). Выбор круга информантов был обусловлен их поколенческими характеристиками, что обеспечило нам большую вариативность информации о переживаемом опыте приватности. При транскрипции мы сохранили специфику «живой речи» и словоупотребления информантов.

Присутствие обобщенного образа Другого «считывается» в смысловой конструкции приватности у еще одного нашего информанта (Юрий, 45 лет, госслужащий) : *«Приватное, я считаю – это то, что не нужно выносить на всеобщее обозрение..., межличностные отношения мужа и жены, например»*. Интересный пример, иллюстрирующий отчетливое корреспондирование пережитого опыта вторжения фигуры Другого в личное пространство мы находим в нарративе Анастасии (31 год, домохозяйка) : *«Личное дело – это когда речь идет речь о том, что (опять же по себе сужу) человек хочет сам принимать решения, он хочет взять ответственность за свое решение, и не просит ничьих советов и просит, чтобы свои какие-то там комментарии человек оставил при себе! Да вот, например! Вела недавно ребенка в больницу, она капризничает по дороге – то ей не то, то ей не так! То ей надо на колесиках поскакать, то еще что-то нужно! Опаздываем, врач еще полчаса работает, и все! Уговоры и разговоры не помогают. В итоге ребенок был схвачен за шкирку и поволочен в эту поликлинику. Конечно, ор и крик на весь двор! Ну, идет женщина, которой, конечно же, нужно было вставить комментарий: «Что вы делаете с ребенком?? Вы с ней поговорите!!» Ну... то есть, неужели этой тетке не понятно, что, как бы, не ее дело! Это мое личное дело! И я ей так и говорю: «Это не ваше дело! Я сама знаю, что мне делать со своим ребенком!»*.

В целом, приведенные выше секвенции наглядно демонстрируют, по сути, одну и ту же характерную особенность – все информанты, нарративизируя свой опыт приватности, настойчиво акцентируют важность момента (от) дифференциации (в разных вариантах) себя от Другого, возможности/невозможности контроля «собственного Я» в отношении с Другим. Это означает, что приватность оказывается полностью вовлеченной в ткань «социального», полностью форматируется социальными правилами и механизмами. Иными словами, приватные практики, хотя и определяются в терминах субъективной значимости, тем не менее, совершаются в поле уже существующих социальных смыслов, предполагают интериоризацию «точки зрения» Другого (значимых «культурных агентов»), принимают культурную конфигурацию социального контекста. Так или иначе, «причастность миру культуры делает «меня» прозрачным для другого» [23, с. 45]. В сфере непосредственного опыта мы постоянно имеем дело с дискретными актами, вещами, значениями и ценностями, индивидами – одним словом миром, наполненным присутствием Другого. Для приватности факт присутствия Другого значим по меньшей мере в силу того, что данная сфера жизни конструируется по его образу и различению с ним. При этом, в зависимости от того, в каких категориях субъект «считывает» когнитивную фигуру Другого (Другой как близкий, свой, чужой, (не) формальный, реальный, виртуальный и пр.), происходит выстраивание разных уровней, режимов приватности. В этом смысле приватность есть феномен неоднородный, диверсифицированный, включающий разные сегменты – от наименее до наиболее интимно-личных.

Именно эту логику нам хотелось бы акцентировать и сохранить, рассуждая об интересующей природе феномена приватности. Говоря коротко, у приватности обнаруживается парадоксальный статус: она есть то, что мы тщательно утаиваем, скрываем, оберегаем от «взгляда» Другого, и в то же время она есть то, что требует этого объективирующего «взгляда», опыта совместного бытия для того, чтобы быть наделенной сверхзначимостью и распознанной в качестве субъективной ценности. Подобную логику мы обнаруживаем, в частности, в рассуждениях яркого философа «совместности» Ж.-Л. Нанси² о субъективности, «которая способна принимать свое иное или свою инаковость (мир, вещи, других субъектов, бога и т. п.) как *свое*» [18, с. 153]. При этом в качестве «инаковости», или степени «друговости» (в данном случае эпистемологическое различие Иного и Другого не представляется принципиальным) выступают взаимодействия и взаимоотношения

индивидов как опыта сообщества/бытия-в-месте. Становясь «своими», они становятся своеобразным внешним внутреннею [19]. Имеется в виду, что «самость» существует и присваивается только через так называемое выставление, или, как пишет Е. Петровская, экспозицию, которая является совместной, обращенной к самому «вместе». «Даже я, – читаем у Е. Петровской, – в своей «яйности» – в своем отличии и изолированности – не может избежать такого выставления вовне» [22, с. 63]. Тем самым экспозиция (выставление) означает, что даже самое интимное, сокровенное, внутреннее всегда повернуто к внешнему, всегда расположено вовне. Отсюда следует, что человек не имеет имманентной сущности, он принципиально трансцендентен: трансцендируя самость навстречу другому, превращая внутреннее во внешнее, люди обретают «совместность» как конституирующее условие опыта приватности. Одним словом, только совместное бытие делает возможным бытие как нечто отделённое, частное. В силу этого Другой – это одновременно *граница* моей свободы и ее *основание*.

Что это, по сути, означает для приватности? Признание правомерности существования Другого в самоосуществлении Я есть признание различия, в котором зарождается приватность как отделенная форма «личного» бытия. Строго говоря, Я начинает манифестировать отдельность, автономность, стремление к замкнутости, сокрытию своего внутреннего мира от «другого взгляда» именно в тот момент, когда перестает тотально идентифицировать себя с Другим. Сошлемся на С. Жижека: «Для обретения самоидентичности, самоидентичности субъект должен идентифицироваться с воображаемым другим – должен подвергнуть себя отчуждению. Вынести свою идентичность вовне себя» [14, с. 110]. Таким образом, присутствие Другого очевидным образом ограничивает пространство Я как зону «своего», «родного мира» [6, с. 79]. Вместе с тем, именно Другой выступает условием подведения моего «автономного Я», моего права на приватность. На это обстоятельство указывает так же и М. Бланшо, подчеркивая, что «самое личное в нас не может храниться как тайна, принадлежащая кому-то одному, поскольку она разрушает границы личности и жаждет быть разделенной, более того, утвердиться именно в качестве раздела. Этот раздел возвращает нас к сообществу, выявляется в нем, самоосмысляется и тем самым подвергает себя *опасности* (*курсив наш – Е.Х.*), становясь истиной или объектом, поддающимися удержанию» [4, с. 64].

В приведенной цитате слово «опасность» обращает внимание на особо важный аспект феноменологического понимания приватности. Приходится признать тот факт, что «сокрытие всегда несовершенно» [13]. Сама ситуация «разделенного» с Другим приватного опыта представляет опасность для него самого (на это, собственно, и указывает М. Бланшо). Речь идет о том, что любая репрезентация приватности с необходимостью «сдает ее». Так, лакановский Большой Другой (здесь: институты государства, нынешние креативные индустрии), формально помещая приватную жизнь человека – его право на

² Идея возможности сообщества как опыта единства в современной философии и социальной теории стала предметом активной научной рефлексии благодаря работам Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбена, А. Негри, М. Хардта, П. Вирильо, М. Бланшо, Ж. Делёза, А. Бадью. В общем плане идея кризиса сообщества оформляется на фоне фрагментации и атомизации современного общества, распада коллективистских идеологий, формализации государственной власти, поворота к биполитической парадигме социального контроля и прочих тенденций, «сигнализирующих» о реконфигурации современного социокультурного пространства в сторону субъективной привлекательности «малых форм». В определении Ж.-Л. Нанси, сообщества сегодня – это сообщества «тех, у кого нет сообщества». Иначе говоря, чертой современной онтологии является множественность форм объединения, основанных не на единстве, а на текучей, ситуативной солидарности (П. Вирно, Ж. Делез). «Бытие единичное множественное» (Ж.-Л. Нанси) выступает сегодня своеобразной формой социального единения.

«личное», на собственность, свободу (во всех ее инвариантах), сексуальность, чувственно-телесные состояния и желания (в том числе и самые интимные) – в центр своих расчетов, забот, коррекции и контроля, в действительности, постоянно переопределяет границы, за которые «политическому» ступать не положено, что в конечном итоге разрушает аутентичные основания приватности.

Таким образом, можно утверждать, что конфигурация приватности складывается в сложном взаимодействии с Другим, точнее – в отношении к Другому. В работе «Неописуемое сообщество» М. Бланшо указывает на асимметричный характер таких отношений, утверждая что ««я» никогда не выступает на равных с «другим»» [4, с. 57]. Понимая Другого одновременно и как другого человека, и как другое по сравнению с человеком, М. Бланшо замечает: ««я» и «другой» не могут жить в одно и то же время, не способны быть вместе (в синхронности), являться современниками: даже составляя пару, они отъединены один от другого формулами «еще нет» или «уже нет»» [4, с. 60]. Можно сказать, что асимметричность в данном случае определяется не столько временными параметрами, сколько этическими, то есть той степенью ответственности, «которую внушает мне другой» [4, с. 62].

В совершенно ином теоретическом контексте приходит к аналогичному выводу И. Гофман. В метафорах драматургического подхода он описывает способ становления социальной субъективности, центральным моментом которого выступает онтологическая связка Я-Другой. С точки зрения И. Гофмана, процедура конструирования персональной реальности предполагает, что индивид, стремящийся соответствовать ожиданиям общества, четко осознает асимметрию между двумя планами самопредставления «собственного Я»: внешним/передним планом (своим социальным лицом или, как предпочитает говорить И. Гофман, фасадом) и внутренним/задним планом – «закулисьем», под которым, собственно, и подразадается частная жизнь человека, скрывающаяся от посторонних глаз [9]. Ключевая задача работы И. Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» – показать, что все события человеческой жизни – это, по сути, спектакли, разыгрываемые с целью хладнокровного управления впечатлениями других, манипулирования мнениями других, производства «видимостей» в повседневных взаимодействиях. При этом «фасад» как часть представления «собственного Я», будучи необходимым условием «публичного спектакля», требует от субъекта (хотя в данном случае конструкт «актер» выглядит более уместным) постоянного контроля и коррекции «управления впечатлением», для чего задействуется и соответствующий «декор» – внешние, видимые маркеры личностной идентичности. Тем самым, представляя себя перед Другим, индивид должен *являть* собой образец принятого в данном обществе нормативного/ожидаемого поведения. И только в сфере приватности – в «закулисье» или на «заднем дворе» – он может расслабиться, «сбросить маску», «выйти из роли».

Таким образом, рассматривая приватный опыт под углом зрения драматургической метафоры И. Гофмана, можно предположить, что приватность – это персональная «сцена», события на которой разворачиваются в соответствии со «сценарием», который актер «пишет» самостоятельно. Иными словами, индивид сам создает и контролирует сеть значений, эмоций, образов, которые следует открывать или прятать. При этом знание «приватного сценария», иначе говоря, хранящиеся в памяти фреймы – «когнитивные репрезентации повторяющихся социальных ситуаций» [10] – обеспечивают возможность индивиду действовать в подобном ситуационном контексте. В этом смысле приватность может быть представлена как матрица фреймов, условно типизированных как «дом», «семья», «любовь», «личная территория», «частная собственность», «тайна», «запретные темы», «сексуальность», «личная информация», «мои вещи», «близкие люди», «личные отношения», «уют». От других «сцен» приватность отличается отсутствием явных границ между акто-

ром и зрителем, а потому механизм самопрезентации («реквизит и костюмы») для человека в этом случае не так важен. Ему незачем скрывать свое «истинное Я» поскольку, как отмечает Ю. Резник, «внутренний регион вовлекает в круг общения человека только тех людей, которых он сам выбирает своим «аутентичным Я»», тогда как «во внешний регион его персональной реальности попадают люди, с которыми ему приходится взаимодействовать в общем социальном поле» [24]. Наглядной иллюстрацией здесь может быть одежда, которую носят в приватном пространстве, например, дома. В обстановке дома человек пребывает в состоянии расслабленности, комфорта, в кругу близких ему людей и потому, одеваясь в домашнюю одежду, «он не заботится о чужом мнении», о том, что нужно «соответствовать социальному окружению» [8].

Состояние приватности, таким образом, исключает притворство – направленную на «аудиторию, состоящую из посторонних», манерность поведения [11, с. 49], столь характерную для публичных коммуникаций. Можно предположить, что сокрытие, притворство, лицемерие, обман или, напротив, стремление вынести на публичную «сцену» обстоятельства своей приватной жизни, даже самые интимные и табуированные – это особые типы социального перформанса, к которому прибегает актер в ситуации «несимметричных взаимодействий» с Другим. Как полагает сам И. Гофман: «Такого рода контроль над частью индивидуальности восстанавливает симметрию коммуникационного процесса и подготавливает сцену для своеобразной информационной игры – потенциально бесконечного круговращения утаиваний, лживых откровений, открытий и переоткрытий» [9, с. 39-40].

Данное утверждение обнаруживает любопытное следствие для дальнейшей аналитики феномена приватности. Описанные И. Гофманом «публичный спектакль» и скрытую «китайскую» сторону частной субъективности можно рассматривать как два комплиментарных и, вместе с тем, разных модуса поддержания порядка интеракции Я-Другой. Можно сказать, что эти отношения выстраиваются и координируются в разных «режимах вовлеченности». Аргументы для развернутого обоснования этого теоретического допущения мы находим в одной из концептуальных новаций представителя современной прагматической социологии Л. Тевено. Речь идет о его экспозиции разных режимов близости или, в терминологии самого автора, модусов вовлеченности (задействованности) в ситуацию совместной деятельности [25].

Главный аргумент французского социолога можно кратко резюмировать в следующем. В современных обществах жизненный путь человека подвержен все более частым и всеохватным изменениям, оказывающим давление на целостность человека. Учет плюрализмов уровней вовлеченности в мир, или, как определяет сам Л. Тевено, «углубленных фигураций жизни в общем мире» [25] позволяет высветить, в частности, напряжения и давления, воздействующие на людей в их отношениях с институтами. Многообразие уровней вовлеченности «дает возможность проследить путь, который люди должны пройти, чтобы в эти институты вписаться: преимущества такого пути, связанные с доступом к общим благам, а также вред, наносимый при этом благам менее общего и более личного значения» [21]. Тем самым, понятие «вовлеченность», трактуемое Л. Тевено как «состояние людей и вещей, вовлеченных в прагматические испытания реальностью» [25], это не просто субъективный смысл, представление или ценностный ориентир, влияющий на характер взаимодействия людей между собой и с миром. Вовлеченность в мир имеет выраженную интенциональность – направленность на реальность, или, в терминологии самого Л. Тевено, на «испытание реальностью», которое зависит от того способа, каким агент воспринимает мир в определенном формате (публичных конвенций, функциональном, близости и т. д.) [26, с. 84].

Отсюда, Л. Тевено выделяет три «режима близости», связанные с модусом приватной и публичной вовлеченности. *Режим «интимной близости с миром»* предполагает максимально личностные формы вовлеченности в мир, при котором личность и тело как бы «вписываются», «врастают» в привычные окружающие вещи [5, с. 69]. Это, собственно, и есть та сфера сугубо приватного существования – пространство собственности на мир (в терминах В. Бибикина), которое маркируется человеком как «свое», «родное», «близкое», «интимное», ценность которого защищается наиболее аффективно и не предполагает присутствия Другого как стороннего наблюдателя. Как метко подметил Ф. Арес, «приватная реальность содержит наиболее близкие вещи, те, которые принадлежат только нам, которые не должны быть «предъявлены» без нашего ведома, так как они связаны с той личиной, которую, возможно, придется сохранить от публичного взора» [16, с. 17-19]. Проясняя семантику режима «интимной близости», Л. Тевено приводит такой пример: «Когда вы сидите у себя дома, вы находитесь в режиме близости – все разбросано вокруг вас, но вас не беспокоят валяющиеся вокруг одежда, книги, диски, складываемые на столе грязные чашки и кофейник без ручки, так как это – части вашей жизни и вы легко владеете ситуацией» [7, с. 238].

Совершенно иначе происходит практическая координация поведения в более публичном *режиме «планового действия»*, который связан с фигурой автономного индивида, носителя проекта и подразумевает функциональное схватывание реальности [26, с. 85]. По существу, такое действие ориентировано на следование общим правилам и инструкциям, оно заведомо рефлексивно. В данном случае мы опять-таки сталкиваемся с фигурой Другого. Это могут быть конкретные, «эмпирические другие», или же структуры символического порядка, с которыми субъект практически соотносит свои личные намерения. Тем самым Л. Тевено проблематизирует традиционные для социальных наук противопоставления: индивид/коллектив, приватное/публичное. «Например, вы говорите, – пишет Л. Тевено, – я хочу сделать вот это, это мои интересы, мой выбор. Если вы делаете такие заявления, то вы оказываетесь вовлеченными в режим, который я называю «плановое действие»; это значит, что вы не только выражаете свои предпочтения, но соотносите их с пространством возможностей, которые, согласно вашим предположениям, доступны всем окружающим» [21]. В силу сказанного очевидно, что формат плановой координации, при котором индивид не просто выражает, а *манифестирует* свои индивидуальные предпочтения, лишает «личное» исключительно приватного статуса, поскольку в таком формате индивид ориентирован на социальную коммуникацию.

Можно предположить, что именно в режиме плановой координации выстроено пространство приватного в социальных медиа – новейших глобальных коммуникативных площадках. Более того, сама специфика оформления личных страниц в социальных сетях – в Instagram, Facebook и подобных им сервисах, где мы готовы активно делиться приватной информацией – отчетливо указывает на *организованный* характер приватного опыта, функционирующего в режиме осмысленной, саморефлексивной практики. Имеется в виду, что такая практика подразумевает инструментально организованное оценивание ситуации: выкладывать или нет фотографии мужа/жены/ребенка, как часто менять фотографии профиля, насколько подробно делиться приватными деталями отпуска, свадьбы, развода, по поводу чего спрашивать советов? Подобные формы личной активности становятся частью «организованной приватности», в основе которой определено просматривается потребность индивида привести «приватное место» в порядок, что, как мы помним, совершенно не свойственно режиму «интимной близости».

Добавим к сказанному, что в пользу организованной инфраструктуры приватности свидетельствуют те же селфи-практики, которые подразумевают экспонирование индивидом эмоционально-позитивных (в одобренном обществом смысле) аспектов собствен-

ной жизни, самолюбование и самодемонстрацию. Коротко говоря, такой себе нарочитый нарциссизм и эксгибиционизм в «одном элфи». Еще один вариант «организованной приватности», предложенный нам онлайн-культурой, – погоня за лайками (от англ. “Like” – «нравится», «одобряю»), с помощью которой мы стремимся во что бы то ни стало получить свою порцию общественного признания и одобрения. Показательно при этом, что недостаточное количество лайков может стать причиной психологического дискомфорта. «Как бы смехотворно это ни прозвучало для кого-то, но написать пост/выложить фотографию/озвучить свою позицию по какому-либо поводу и не получить какого-то количества одобрения в каких-то случаях в наше время может оказаться вполне болезненным» [20]. Словом, цифровая культура подарила нам не только новые удобные формы коммуникации, но и «жутковатые на вид, уродливые или просто навязчивые формы поведения, психологического прессинга контроля и вторжения» [20] в приватные зоны жизни.

Ирония общей ситуации нам видится в следующем: с одной стороны «организованная приватность» в известном смысле оставляет за субъектом право индивидуального контроля над личной территорией, личной информацией, событиями личной жизни. Так, например, индивид выстраивает свой личный ранжир близости межличностных отношений по принципу «знакомый – приятель – друг – близкий друг – сексуальная близость» [27, с. 48-81]. Или же он сам определяет круг «близких вещей» – собственных, секретных, любимых. С другой стороны, режим «организованной приватности» так или иначе задействует техники «публикации себя», которые, опять же, могут полагать разную степень близости – от максимальной (собственно интимная сфера приватной жизни) до наиболее публичной вовлеченности, которую Л. Тевено назвал режимом «*публичного обоснования*» – публично организованного события [5, с. 69]). Данный прагматический режим соответствует комплексу действий, совершаемых человеком в публичном пространстве. В отличие от поведенческих практик, типичных для режимов близости или плана, взаимодействия в режиме публичного обоснования обязательно предполагают критику, оправдание, поиск наиболее убедительных доводов, к которым прибегает индивид, моделируя формы коммуникации и структуры общения. Тем самым взаимодействия в режиме «публично организованного события» заведомо направлены на «других» (анонимных наблюдателей, публику и т. д.), пристально следящих за развитием ситуации.

Показательный пример «публично организованного события», о котором «до сих пор говорили только в самых интимных исповедях» [2, с. 17], мы находим у З. Баумана. Рассуждая о природе современной публичности/приватности, он ссылается на нашу мемуарную в свое время историю Вивиан и Мишель. «Обычная и в целом ничем не примечательная пара, легко сливающаяся с городской толпой, появилась перед камерами французского телевидения и, следовательно, перед миллионами телезрителей. Вивиан сказала, что ее муж страдает *ejaculatio praecox* (преждевременная эякуляция) и пожаловалась, что с ним она никогда не испытывала удовольствия» [2, с. 21-22].

Разумеется, описанный выше случай является экстремальным, однако он примечателен своей явной философской аллюзией: перед нами прагматическое перекодирование двух сущностных сфер человеческого бытия. На смену устойчивой дихотомии публичное/приватное, сложившейся в культурной парадигме модерна и подразумевавшей четко установленные и конвенционально закрепленные смысловые, эмоциональные, пространственно-временные, коммуникативные разграничения, приходит тотальное взаимопроникновение публичной и приватной составляющих жизненного опыта субъекта. Если добавить, что все это протекает на фоне стирающихся границ между приватным и публичным, то можно говорить о разнообразных и весьма причудливых конstellациях знаков открытости/видимости и скрытости/невидимости.

Таким образом, рассмотрение приватности в онтологической связке Я-Другой позволяет представить данный феномен не как фиксированную целостность, а как подвижное и достаточно проблематичное для самости феноменальное образование множественных взаимозависимостей, которые инсталлируют самые разные формы сознания, вовлеченности в мир и проявляются в повседневных практиках индивидов, в организации их жизненного пространства. Приватность, таким образом, превращается из субстантивного феномена, обладающего собственной экзистенцией, в «становящуюся реальность» – в фигурацию (термин Н. Элиаса), понимаемую исключительно как сеть отношений Я-Другой, которые постоянно переопределяются/пересматриваются как в направлении открытости, так и в направлении закрытости. И происходит это под влиянием различных исторических, идеологических, экономических, политических обстоятельств, определяющих особенности структуризации конкретного символического порядка и персональной реальности.

Список использованной литературы:

1. Батай Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. – СПб. : Аxioma/Мифрил, 1997. – 336 с.
2. Бауман З. Пьер Бурдьё и диалектика *vitacontemplativa* и *vitaactiva* / З. Бауман // Социологический журнал. – 2002. – №3. – С. 5–23.
3. Бахтин М. Автор и герой к философским основаниям гуманитарных наук / М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 336 с.
4. М. Бланшо. Неописуемое сообщество / М. Бланшо; пер. с фр. Ю. Стефанова. – М. : МФФ, 1998. – 80 с.
5. Болтански Л. Социология критической способности / Л. Болтански, Л. Тевено // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III. – № 3. – С. 66–83.
6. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вальденфельс; пер. с нем. О. Кубановой // Логос. – 1995. – № 6. – С. 77–94.
7. Волков В. Социология Болтански-Тевено: миры и режимы / В. Волков, О. Хархордин. Теория практик. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. – С. 224–243.
8. Вудворт С. Комфорт и фантазийная одежда / С. Вудворт // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. – № 19. – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3122#sthash.1Vg67Ull.dpuf>.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.
10. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М. : Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.
11. Гофман И. Символы классового статуса // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 42–53.
12. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делез // Логика смысла. – М. : «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – С. 395–442.
13. Доллар М. По ту сторону интерпелляции / М. Доллар // Неприкосновенный запас. – № 85. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2796>.
14. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; пер. с англ. В. Сафронова. – М. : Издательство «Художественный журнал», 1999. – 235 с.
15. Иная ментальность / В.И. Красик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубков, Э.В. Грабарова. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
16. История частной жизни / [П. Вейн, П. Браун, И. Тебер и др.]; под общ. ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби; предисл. Ж. Дюби. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – Т.1. – 800 с.
17. Левинас Э. Путь к Другому / Э. Левинас; пер. с фр. Е. Бахтиной. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 240 с.
18. Нанси Ж.-Л. Сегодня / Ж.-Л. Нанси // AdMargenim 93. Ежегодная лаборатория постнеклассических исследований. – М. : ИФ РАН, 1994. – С. 148-165.

19. Нанси Ж. -Л. Непроизводимое сообщество / Ж.-Л. Нанси; пер. с фр. Ж. Горбылевой, Е. Троицкого. – М. : Водолей, 2009. – 208 с.
20. Низеенко Е. Троллинг, аутинг, лайкинг и другие проблемы эпохи социальных сетей / Е. Низеенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/216055-from-trolling-to-selfieing>.
21. «Опыт совместной жизни людей предполагает одну масштабную проблему» : социолог Лоран Тевено об интимной связи с миром // Теории и практики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://theoryandpractice.ru/posts/8008-intime_sociology/.
22. Петровская Е. Безымянные сообщества / Е. Петровская. – М. : ООО «Фаланстер», 2012. – 384 с.
23. Рассадина С. Герменевтика удовольствия: Наслаждение вкусом / С. Рассадина. – СПб. : ИД «Петрополис», 2010. – 254 с.
24. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного / Ю.М. Резник. – М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. – 632 с.
25. Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // НЛЮ. – 2006. – № 77 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22.html>.
26. Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества / Л. Тевено // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III. – № 3. – С. 84–111.
27. Хархордин О. Градация близости в современной российской дружбе / О. Хархордин, А. Ковалева // Дружба: очерки теории практик: сб. статей. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 48-81.
28. Щютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Щютц; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

POSITION OF THE OTHER AS THE NECESSARY MOMENT OF THE CONSTITUTION OF PRIVATE EXPERIENCE OF BEING

Elena Hodus

*Oles Honchar Dnipro National University,
Faculty of Social Sciences and International Relations,
Department of Sociology
Gagarina Avenue, 72, 49010, Dnipro, Ukraine*

The article emphasizes the ambivalence of the ontological status of privacy. It is asserted that on the one hand, privacy has a distinct internal intentionality, so that it is a sphere identical to the “personal self”, on the other hand, privacy is possible only in (co) relativity with the world of external meanings, which in turn means the presence of the cognitive figure of the Other as “Prerequisite condition” (the term of J.R. Searle) formalizing the experience of privacy. From such positions, understanding of privacy as a dynamic intersubjective meta-position was justified, which is determined by the two-way interdependence of the objectified social reality and its subjective experience and interpretation.

Key words: privacy, Other, pragmatic regimes, dramaturgic approach.